

А.В. Бурцева^a, Е.Н. Шарова^a, С. Оман^b

^a Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, Мурманск, 183038

^b Центр европейско-евразийских исследований
65 rue des Grands Moulins, Paris, 75013, France

E-mail: alexandrabortseva@yandex.ru;

kateshar1@yandex.ru;

so_hohmann@hotmail.com

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ГОРОДОВ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ПРОСТРАНСТВЕННОМ, ВРЕМЕННОМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Обосновывается применение пространственных, временных и антропологических индикаторов жизнестойкости города. Анализируется отношение населения к городскому хронотопу, выделяются модели ментального поведения горожан, подрывающие жизнестойкость городов (изоляция вахтовика, отсроченная жизнь временщика) и способствующие ее укреплению (трансформация инноватора, освоение хозяина, осмысление исследователя и художника, традиционная номадность рыбака и моряка и новая номадность северного мигранта).

Ключевые слова: хронотоп, топофилия, топофобия, топос, хронос и антропос, социальное пространство региона, жизнестойкость.

Введение и постановка проблемы

Феномен северных городов все чаще обращает на себя внимание исследователей [Говорова, 2018; Иванова, Ключкина, 2017; Корчак, 2019; Недосека, Карбаинов, 2019], что обусловлено значимостью арктической тематики как в современном научном дискурсе, так и в политико-экономическом контексте. Одно из ключевых противоречий современной ситуации связано с приоритетностью освоения Арктики — что предполагает наличие обжитого пространства и развитой инфраструктуры — и одновременно миграционным оттоком из северных городов [Zamyatina, Goncharov, 2018; Шарова, Бурцева, 2020; Говорова, 2018]. Данное противоречие ставит на первый план проблему жизнестойкости арктических городов, их социально-культурной подсистемы, особенно с учетом того, что большая часть жителей Арктики живет именно в городах.

При несомненной значимости объективных факторов жизнестойкости, к которым относят «гибкость связей между отдельными подсистемами, возможность гибкой перенастройки режима “завоз/самообеспечение” в системе внешних связей и возможность инновационного развития как отдельных компонентов, так и системы в целом» [Замятина и др., 2020], нельзя игнорировать субъективный, а именно отношение к городу, во многом определяющее стойкость населения, готовность жителей к преодолению трудностей. Выявление жизнестойкости Кольского Севера как самого урбанизированного северного региона, и прежде всего Мурманска, как самого крупного города за Полярным кругом, является целью данного исследования, а задачами — обоснование подхода к изучению жизнестойкости социально-культурной подсистемы города; отбор индикаторов, определяющих отношение жителей к городу в градации от топофилии до топофобии; описание моделей ментального поведения городских жителей Кольского Севера в контексте его жизнестойкости. В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой топофилия свойственна населению городов с более высокой жизнестойкостью, а топофобия — с ослабленной.

Методология

Методологической основой исследования являются трактовки феномена жизнестойкости в психологии [Тиллих, 1995; Митрофанова, 2018], согласно которым жизнестойкость, понимаемая как обретение смысла через принятие решений в пользу будущего, складывается из таких компонентов, как вовлеченность в происходящее, контроль, трактуемый как возможность влиять на ход событий, и вызов — стремление к приобретению опыта. Любовь населения к городу — своего рода фундамент его жизнестойкости. В свою очередь, концепция М.М. Бахтина [1975] позволяет трактовать хронотоп как инструмент для измерения жизнестойкости. Определяя понятие хронотопа как

«существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», М.М. Бахтин рассматривает две составляющие: время и пространство. Следование феноменологическому подходу позволяет трактовать хронотоп не как два, но как три измерения: не только пространственное и временное, но и антропологическое, иными словами, топос, хронос и антропос.

Материалом для статьи послужили исследования, проведенные авторами в ноябре 2018 г. (опрос) в городах Мурманской области и феврале — марте 2020 г (интервьюирование) в Мурманске. Статья строится на анализе данных, полученных в результате опроса 444 жителей региона в 2018 г. Использовалась стратифицированная по месту жительства модель выборки, совмещенная с квотами по полу и возрасту (ошибка репрезентативности не превышает 4 %). В структуре выборочной совокупности опрошено 40 % жителей г. Мурманска, 28 % — муниципальных районов (Кольский, Печенгский, Ковдорский, Кандалакшский, Ловозерский), 19 % — закрытых административно-территориальных образований (далее — ЗАТО), 12 % — городских округов (Кировск, Апатиты, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори). В выборке представлены следующие социально-демографические группы: уроженцы региона (67 %); мужчины (49 %); респонденты с высшим образованием (41 %), со средним профессиональным (37,4 %); молодежь от 16 до 29 лет (22 %), лица старше 50 лет (34 %); респонденты, состоящие в браке с детьми (53,4 %), не состоящие в браке без детей (25,3 %). По характеристикам занятости опрошены работающие, в том числе самозанятые (69 %), неработающие пенсионеры (11 %), учащиеся (10 %), военнослужащие (5 %), безработные и занятые в домашнем хозяйстве (4 %).

Опрос проводился в форме онлайн-анкетирования и включал в себя как закрытые, так и открытые вопросы, ответы на последние и стали материалом анализа. 674 ответа на вопрос «Что привлекает Вас в городе, где Вы проживаете?» и 709 ответов на вопрос «Что отталкивает?» были распределены в группы пространственных, временных и антропологических составляющих хронотопа. К пространственным кроме географически обусловленных климата, природы, геополитического положения были отнесены эстетика и инфраструктура города, работа/карьера, образование, уровень жизни, уровень развития культуры и досуга, характеризующие условия проживания в городе, т.е. социальное пространство, этос, по Д'Эпина [D'Épinau, 1986]. К временным — развитость и перспективность города, стиль и ритм жизни, история региона, личные планы на будущее, сезонность. Антропологические включили в себя социальное окружение, социальные типы и поведенческие модели населения городов. Перечисленные составляющие хронотопа были использованы как индикаторы жизнестойкости арктических городов.

Отбор интервьюируемых осуществлялся по принципам восьмиконной выборки, предполагающей учет степени экспертности/типичности информантов [Штейнберг, 2014]. Всего проведено 23 интервью. Возраст информантов — от 25 до 75 лет. Экспертами выступили журналисты, писатели, краеведы, педагоги, социологи, представители силовых структур и рыбной отрасли. Типичные информанты — жители Мурманска и области с разной степенью укорененности.

Объектом исследования являются ценностные характеристики хронотопа жителей городов Кольского Севера; предметом — их жизнестойкость.

Результаты исследования и их обсуждение

Уровень жизнестойкости региона прочно связан с отношением к нему населения, и равнодушие к городу, а тем более ненависть, наносит ощутимый удар по жизнестойкости городов арктической зоны РФ, формируя условия для ослабления связей человека с поселением, ухудшая социальный климат. Мнения респондентов обрисовывают симптомы топофобии, поражающей население городов Кольского Севера: *Опостылил это серый, мрачный и депрессивный город с такими же людьми и таким же правительством; Этот город умирает, я не хочу умирать вместе с ним.*

Конкретизация отношения населения к городу определялась путем анализа топоса, хроноса и антропоса городов, состояние которых либо отталкивает, ослабляя жизнестойкость, либо привлекает, способствуя ей (рис.).

Топос как индикатор отношения к городу

Климатические факторы, обусловленные географическим положением, включая среднегодовую температуру и солнечную радиацию, в том числе полярный день и полярную ночь,— самая многочисленная группа ответов. Значительное число респондентов, рассматривающих климат как отталкивающий фактор, было ожидаемо: такое мнение высказал 181 чел. (42 % всех опрошенных). Показательно, что климатические условия мурманчане чаще всего называют как причину планируемого переезда в другой регион (подробнее об этом в: [Шарова, Бурцева,

2020]): *И для меня лично, и то, что я вижу в миграционных стратегиях моих друзей и знакомых,— первый порыв сугубо климатический. Мы едем к солнцу.*



Рис. Элементы хронотопа городов Мурманской области.
Fig. The Murmansk region cities' chronotope elements.

Респонденты обозначили те болезненные для северян стороны климата, мириться с которыми особенно трудно: *холод, полярная ночь (зимой хочется постоянно спать, да и вообще без солнца тяжело), отсутствие нормального лета, долгая зима и пагубное влияние Севера на здоровье (в средней полосе и по климату, и по квартплате можно жить, а не выживать, как у нас; в мои 32 года куча заболеваний)*. Подавляющее большинство интервьюируемых обозначило, что климат не способствует здоровью: *Мы устаем от наших погодных условий, это повседневная история, повсеместная. Мне с каждым годом все сложнее зимовать, для меня это страдание — переживать зиму, я ее все меньше и меньше люблю, потому что физически сложно перенести 40 дней полярной ночи. В такие моменты задумываешься о том, что люди здесь жить не должны, что это вредно для здоровья.*

Климатический элемент хронотопа северных городов особенно интересен в аспекте жизнестойкости, так как усиливает осознание исключительности у населения. Тема постоянной борьбы человека с погодными условиями успешно эксплуатируется северянами, отстаивающими право на льготы: *климат очень неоднозначно воспринимается. Для кого-то это благо, для кого-то это страдания, грубо говоря. Считают, что мы здесь живем, что-то терпим. У меня есть такое ощущение, что это некая претензия. Климат помогает формулировать претензию к органам власти на то, что мы здесь терпим что-то.*

Ландшафт, гористость территории, с одной стороны, усложняет передвижение, затрудняет обслуживание дорог, с другой — создает узнаваемый облик городов Кольского Севера. Рельеф, именуемый населением «сопками», — то, к чему привязываются горожане, о чем скучают, переехав в другие регионы. Аналогичные чувства вызывают городские водоемы, большие расстояния между поселениями, наличие дикого природного пространства в черте города. Все это в совокупности — область топофилии, ценностный ряд для горожан Кольского Севера. 150 респондентов (33 %) считают природу преимуществом городов Севера (*Банальная любовь к этой природе и родным местам города. У города и местности есть шарм. Настоящая зима, красивая природа, северное сияние, зимние развлечения*), акцентируют внимание на исключительности северной природы (*Приятно осознавать, что живешь в уникальном регионе и для тебя привычны такие явления, как северное сияние, что для других в диковинку*). Даже на первый взгляд приземленные высказывания: *Нет такого обилия жутких насекомых; Отсутствие растений-аллергенов (лично у меня); Нет змей, клещей и прочей нечисти* — отражают идею чистоты севера, близкую образу, созданному В.С. Высоцким в песне «Белое безмолвие», ставшей своего рода гимном севера России: «Воронье нам не выклевает глаз из глазниц — Потому что не водится здесь воронья» [1972]. Природное в арктическом городе любимо, оно цепляет, вызывает широкий спектр положительных чувств от умиления до гордости, потребность защищать и необходимость позиционировать и продавать как уникальный продукт региона: *Север — настоящий подарок для любителя путешествовать — у нас потрясающая природа, интересные населенные пункты, горные и водные маршруты, полярные сияния, за которыми едут со всего света.*

Показательно малое число отзывов об эстетике городской среды (20/5 %), судя по всему не столь значимой для северян. Наблюдается субъективность оценок: для кого-то «серость» городов Арктики — мрачна, депрессивна и не эстетична, а кто-то в серых домах на серых скалах

видит гармонию и суровую, брутальную красоту. Возможно, что красота вне функциональности северян не привлекает, так как наличие инфраструктуры и качество дорог волнует значительно большее число опрошенных, причем воспринимаются подавляющим большинством информантов негативно: так считают 94 респондента (21,5 %). Жителей городов Мурманской области отталкивают *убитые дороги, убогие магазины, ужасное состояние дворовых территорий, нерегулярная и некачественная очистка снега, то, что «город не строится».*

Аспект благоустройства был отмечен и в экспертных интервью: акцентируется, что инфраструктура северных городов должна быть гибче: при сокращении населения часть районов должна трансформироваться, например, в рекреационные зоны во избежание «эффекта разбитых окон». Законсервированные разрушающиеся здания стали привычным элементом городского пейзажа в ЗАТО региона, создавая ощущение умирающих поселений. Кроме того, необходимо адаптировать дизайн под климатические условия: *Должны быть места какие-то с навесами от дождя и снега, карманы, защищающие от ветра, чтобы можно было отгородиться от ветра и сидеть в этой штучке, например. У нас темно, но нужны не просто фонари понатыканные: подсветка должна быть рассчитана на то, что люди там что-то делают. Должны быть какие-то крытые зоны, в которых дети зимой могли бы поиграть, необязательно отапливаемые, но защищенные от метели, чтобы там было светло, чтобы нормально люди проводили время, а не просто вышли, проскочили и побежали.*

На наш взгляд, значимым с точки зрения жизнестойкости городов Мурманской области является уровень жизни северян, снижение которого исследователи связывают с причиной оттока населения в регионе [Корчак, 2019, с. 11]. Однако только 39 респондентов (9 %) упомянули уровень жизни как привлекательный фактор жизни на Севере. Этот же фактор, но уже как причину непривлекательности региона назвали 142 чел. (32 %). В ответах заметны противоречивые суждения о благополучии/неблагополучии северян: с одной стороны, отмечается более высокий доход по сравнению со средней полосой, с другой — указывается на маленькие зарплаты при высоких ценах и завышенных, с точки зрения горожан, тарифах ЖКХ, ценах на квартиры и даже проезд в общественном транспорте. Респонденты негативно характеризуют образование в регионе. Особенно тревожно сокращение числа студентов. Если в 2005–2006 гг. на 10 тыс. чел. в Мурманской области приходился 461 студент, то в 2018–2019 — только 106, что подтверждает алармистские прогнозы: в регионе действительно происходит «вымывание» интеллектуального потенциала. По мнению экспертов, миграционные установки абитуриентов определяются семейным и школьным социумом: *и родителя, и учителя настраивают детей на отъезд из региона, на получение образования за его пределами (Ж., 50 л.), и в результате обучение в вузах столиц стало стандартным сценарием: отучился в школе, уехал поступать.*

Культурно-досуговая сфера устраивает и не устраивает примерно одинаковое число опрошенных (21 (5 %) против 19 (4 %)). Респонденты, настроенные критически, жалуются на нехватку культуры, засилье торговых центров: *Мы все в детстве помним книжные магазины на Пятой углях — они все замещены магазинами. Очень мало осталось культурных точек. Торговые центры, они, в том числе и символически,— просто съедают город.*

Уровень экологического благополучия городов чаще рассматривается как низкий: отмечается и загрязненность Мурманска угольной пылью, и наличие «вредных» предприятий, и повышенный уровень радиации, что в совокупности с характеризуемым респондентами как плачевное состоянием системы здравоохранения ведет к росту заболеваний. Эксперты в интервью отмечают, что в регионе *высокий процент онкологических заболеваний. Заболевания суставов достаточно распространены, то, что связано с нехваткой витамина Д и отсутствием солнца.* В вопросе северных льгот наблюдается амбивалентность. С одной стороны, северяне дорожат льготами, считают их значимой привилегией. С другой стороны, респонденты отмечают формальный характер полярного коэффициента и надбавки к зарплате: северная зарплата от среднеполосной существенно не отличается, поэтому тема надбавок вызывает у северян раздражение.

Работа и карьера — тоже неоднозначный параметр измерения региона. Фраза *«из-за отсутствия перспектив для молодежи большинство моих друзей уехали из области»* отражает стереотип, согласно которому перспективную, хорошо оплачиваемую работу ни в Мурманске, ни в других городах области молодежи не найти. Работающее население региона, напротив, высоко ценит и само наличие работы, и *возможность заниматься любимым делом.*

Последний в списке индикатор пространства — геополитическое положение региона, причем приграничность рассматривается как привлекательная черта жизни в городах Арктики (*близко живем*

от Москвы, Норвегии, Европы; В регионе и ближайшей Скандинавии проходит множество международных культурных мероприятий, в которых всегда интересно принять участие), а удаленность от центра России — как негативная характеристика, особенно из-за стоимости проезда.

Хронос как индикатор отношения к региону

Число реакций, позволяющих оценить временные параметры жизни северных городов, немногочисленно — всего 27 позитивных и 36 негативных. Спокойствие и наличие свободного времени на Севере — особая ценность, обусловленная стремлением к уюту, теплу, дому в зимнее время и природе в летнее. Успеть «поймать погоду», «захватить солнце/лето» — специфика отношения северян ко времени: *Анекдотичная фраза — «Как ты провел лето? — «Прошло мимо меня, я в этот день работал», это же классика жанра для всех северян. В Мурманске к ней относятся как к серьезному моменту, что упустил сегодня, не факт, что будет завтра.*

Если восприятие полярного дня может быть положительным, то полярной ночи — почти никогда: *После того, как заканчивается полярная ночь, после того, как проходит знаменитый «Праздник солнца» в последнее воскресенье января, возникает некое ощущение — всё, завтра уже весна, надежда на лучшее, на новое. Это мы пережили.*

Более значима для жителей севера линейная составляющая времени, причем обращенность в будущее эмоционально важнее осознания прошлого: 48 — характеризуют будущее и только 2 — прошлое Кольского Севера, причем если прошлое характеризуется как «славное», то будущее видится неоднозначным. Горожане не видят перспектив, считая это основным фактором, способствующим оттоку населения: *В городе ничего не развивается кроме супермаркетов и торговых центров. Скоро станет городом-призраком.* Наиболее пронзительная характеристика дана в развернутой метафоре болезни города: *Мне кажется, что Север сейчас болеет. Дай бог, чтобы это было не онкологическое заболевание или не его последняя стадия. Очень хочется, чтобы Север когда-нибудь начал выздоравливать, но сейчас я не вижу здесь перспектив и для населения в целом, и, к сожалению, для себя лично.*

Столь безотрадное видение будущего Севера и Мурманска во многом обусловлено положением дел в рыбной отрасли, с конца 90-х находящейся в кризисном состоянии. Продажа судов, упадок рыбного порта, цены на рыбу — все это в совокупности воспринимается как трагедия. Рыбная сфера составляла особую гордость для жителей края, была своего рода миссией региона, формировавшей понятные всем образы и ценности. Утрата понятной роли (*мы же рыбой всю страну кормили!*) достаточно больно ударила по региону, а особенно по Мурманску. Оставшиеся компоненты стратегического назначения, такие как горнодобывающая отрасль и флот, с Мурманском напрямую не связаны, туризм пока тоже не воспринимается большинством как то, чем город может жить.

Антропос: модели поведения населения

Значимость социального окружения как фактор привлекательности жизни в арктических городах обозначена 118 респондентами, что составляет 27 % опрошенных: респонденты отметили важность дружеских и семейных связей, открытость земляков, их особый «северный характер»: *Люди хорошие, не прогневившие еще; Отличные люди; Северяне менее зашоренные, открытые новому.*

В интервью 2020 г. был сделан акцент на выявление отличительных черт северянина и причин, сформировавших поведенческие нормы. Обозначим те свойства характера жителей севера, которые способствуют жизнестойкости. Одним из свойств, значимым для северян, респонденты считают готовность к трудностям: *Есть какой-то предмет гордости, когда говорят «мы — северяне», это некий вызов, противопоставление жителям средней полосы, он присутствует до сих пор,* свойственная жителям северных городов определенная бравада в отношении превратностей погоды, судьбы. Эта готовность обеспечивается высокой степенью адаптивности северян, климатом, спецификой труда в море, шахте, где зачастую от скорости реакции зависит жизнь. Север предъявляет требования равным образом и к мужчинам, и к женщинам, так как довольно распространенная поведенческая модель жены рыбака и моряка — не только ожидание мужа, но и роль главы семьи в долгий период рыбацких рейсов или морских походов. Готовность к трудностям связана с высокой креативностью населения, так как инновационный путь решения проблемы в силу сложных климатических условий зачастую единственный возможный на севере. Социальный тип инноватора значим для жизнестойкости городов Арктики, так как формирует новые модели ее освоения.

В советский период практически любой житель арктического города воспринимался средней полосой и югом как богатый, к тому же моряки и рыбаки имели доступ к бонам, магазинам «Березка», «Альбатрос»: *Северяне воспринимались, как дающие, потому что брать нам было нечего. Да, мы чуть-чуть получше живем, чем остальные регионы, или существенно получше, но при всем при том в нас это и эксплуатировалось. Мне кажется, что эта открытость, в принципе, сохранилась. Все-таки на Севере я в меньшей степени встречаю этот меркантильный тип и стремление на ком-то заработать, чтобы обеспечить себе проживание на тот или иной хронологический период. А на юге все-таки это закреплено.* Привычка легко отдавать и делиться, безусловно, представляет ресурс для выживания, обеспечивает взаимопомощь: в интервью были озвучены истории из 90-х, когда, например, семьи военных делились пайком с гражданскими соседями, знакомые и соседи присматривали за детьми друг друга и т.п.

С точки зрения интервьюируемых, северянам свойственны спокойствие, открытость, что обусловлено спецификой заселения региона. Краеведы отмечают, что русские, осваивая Север, столкнулись с саамской, карело-финской и норвежской культурами, и стратегия сотрудничества была принципиально важной для выживания формирующегося населения [Ушаков, 1972, с. 312–313]. Сотрудничество же, наряду с романтизмом первооткрывателей и строителей, было доминантной тенденцией и в советский период, когда на Кольский Север прибыло значительное число представителей разных национальностей, культур и социальных слоев: *Мы же все приезжие, мы все навезли сюда совершенно разных культур и образовали какой-то синтез.*

Открытость, ориентация на сотрудничество, по мнению наших респондентов, свойственны северянину и сейчас. Они наиболее ярко проявляются в ментальном поведении нового «северного кочевника» [Федоров, 2019, с. 42] или, по А.В. Головневу, «неономада» [2018, с. 7] — человека, который ориентирован на коммуникации, освоение нового, движение для него — своеобразный способ противостоять реальности, а преодоление расстояний и границ, как внешних, так и внутренних, — ключевая потребность [Bachelard, 2007]. *Для меня идея отсуствия «железного занавеса» очень важна. Я человек свободный, и в силу того, что я перемещаюсь очень часто, и в силу того, что для меня это очень важные вещи — возможности коммуникации с представителями другой культуры, — я, наверное, человек мира. Я уверена, что адаптировалась бы в любой точке; Есть люди, которые работают на два города, в том числе люди, которые живут в Питере и работают в Мурманске.*

Данный тип весьма распространен среди второго поколения переселенцев региона, утративших связи с родиной родителей, но не в полной мере ощущающих себя дома и на Севере (подробнее об этом в: [Hohmann, Burtseva, 2017]), что А. Sayad [1999] назвал двойным отсутствием.

Мурманская область интерпретируется как регион с высокой долей укорененного населения [Иванова, Клюкина, 2017, с. 193], но данное утверждение спорно, так как миграционная активность — важнейшая черта северных городов [Степуть, Симакова, 2018, с. 1872]. Является ли это скрытым потенциалом жизнестойкости или наносит ей ущерб — вопрос неоднозначный. С одной стороны, текучесть населения не дает сформироваться не только «корням», но даже «почве» для их закрепления, с другой — постоянное обновление населения и информационный обмен делают регион динамичным и способным к развитию.

Но важнее для жизнестойкости городов ментальная модель не «номада», а «хозяина». Хозяину свойственно не только использование территории, но и ответственное отношение к ней. Вне зависимости от социального статуса, хозяйственное отношение может быть присуще как наемному работнику, так и работодателю или самозанятому, и живущему в регионе, и даже сделавшему карьеру в столице, но поддерживающему связи с городом. Примером последнего является телеведущий Андрей Малахов, в период пандемии коронавируса закупивший для больницы Апатитов средства защиты и медицинское оборудование [Викторова, 2020]. Болезненная нехватка хозяйственного, ответственного отношения к северу отражена в следующем нарративе: *когда электричество выключилось, на «Адмирала Кузнецова» кран упал и пробил его насквозь. В другой раз плавучий док утонул, единственный в своем роде на флоте. Страшно вато, и это не военная, а какая-то раздолбайская угроза, потому что это все работает ненадлежащим образом и за этим плохо следят. Не хочется стать жертвой глупой аварии.*

Среди традиционных образов человека, обладающих связующей, интегрирующей функцией, в речи информантов отметим рыбака и моряка, формирующих романтику «морских» северных городов. Эти типы несколько по-своему, но все же транслируют традиционные северные практики движения, обеспечивая своеобразное продолжение поморских традиций. Разделяя

точку зрения А.В. Головнева, согласно которой «мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Арктики» [2018, с. 38], полагаем, что выстраивание моделей взаимодействия с природой, формирование умения подстраиваться под сезоны, погоду и местный менталитет здесь первично. Более того, для северян миграция стала естественной моделью жизни, а закрепленность имеет весьма относительную ценность, что наиболее точно и ярко сформулировано А.А. Хлевым: «сколько бы ни был обжит твой персональный угол, он может быть покинут, и покинут относительно безболезненно» [2002, с. 305–306].

Одобряемые и не одобряемые поведенческие модели достаточно показательны: Советский период в жизни северян был связан с моделью *жить одним днем*, не загадывая на будущее и не откладывая денег: *Если сравнить Краснодарский край и Кольский Север — это люди с разных планет. Мы такие раздолбаи в финансовых вопросах. Казалось бы, всегда были выше зарплаты в советское время, всегда были выше доходы, полярки, но, чтобы у многих были накопления — нет. Жизнь одним днем. Планирование жизни — последние лет 5–7, а до этого — живем здесь и сейчас, красиво одеться, хорошо есть, выехать отдохнуть*. С одной стороны, подобная модель плохо связана с жизнестойкостью, так как не предполагает финансового запаса живучести, но она же делает северянина более легким на подъем.

Северу присуща патерналистская модель: в силу искусственности большинства городов области, образованных решением свыше, устойчивого представления о том, что город и регион в целом выполняют государственно важную задачу, культивируемой темы особо трудных условий и как следствие — права на привилегии, жителям арктических городов все еще свойственно ждать, что государство о них позаботится. Ожидание благ и легкомысленное отношение к трагатам — две стороны одной медали, обусловленные советскими привычками, культом «бессеребренничества» в Советском Союзе. Сложившееся представление о «богатстве северян» в какой-то мере вынуждало соответствовать образу. Сейчас местные понимают, что заработать на севере ничуть не проще, чем на юге, а «длинный рубль» сместился в столицы.

Более или менее соответствует описанному стереотипу модель вахтовиков и временщиков. Удобный для большего бизнеса вахтовик, не имеющий в городе социальных связей кроме трудовых, все же оказывает воздействие на его жизнь, причем, как правило, негативное, ослабляющее жизнестойкость. Временщик, как и вахтовик, приезжает на Север с целью получения дохода: он какое-то время находится в регионе вынужденно, так же не склонен вживаться и обживаться, строить, вкладывать во что-либо энергию и средства, так как «жить» планирует в ином месте. Он может приносить пользу региону исключительно на службе или работе, но на социальную жизнь города оказывает большее и чаще негативное влияние, используя город как ресурс. Это своего рода модель «отложенной жизни», когда заработанные средства практически не расходуются в регионе и либо аккумулируются, либо вкладываются во что-либо вне Севера. Жизнестойкость северных городов как вахтовику, так и временщику малоинтересна: они пользуются городской инфраструктурой, но каковы будут последствия их деятельности — как для городских сообществ, так и для природы, — им совершенно не важно. Понятно, что расширение вахтовых методов освоения северных ресурсов тревожит постоянное население, во-первых, потому что нанимать вахтовиков работодателям выгоднее: не надо платить полярные надбавки, предоставлять большой отпуск. Вахтовый метод воспринимается как скрытая угроза подрыва ментальности, повышения криминогенности, ухудшения эпидемиологической обстановки, что подтвердилось в ситуации с коронавирусом [Молодцова, 2020].

Еще одна поведенческая модель выросла из типичных для Кольского Севера практик, связанных с вариациями «походов на природу». Сформировались группы фотографов, гидов, археологов, представляющих собой *конгломерат совершенно разных людей по вкусам, интересам* и реализующих новую модель освоения региона, его художественное, творческое осмысление. Такое «народное», по словам одного из экспертов, краеведение — очередная попытка освоения Севера. В совокупности с исследователями и художниками, романтики-энтузиасты участвуют в производстве новых смыслов, необходимых для жизнестойкости молодых городов региона.

Заключение

В статье обосновывается применение тройственной системы индикаторов жизнестойкости города: не только топоса и хроноса, но и антропоса, поскольку и человек определяет их жизнестойкость привязанностью и ослабляет — равнодушием и негативом. Проведенная диагностика «социального самочувствия» городского населения [Недосека, Карбаинов, 2019] показала, что жители урбанизированной части Кольского Севера как наиболее болезненные составляющие

Жизнестойкость городов Кольского Севера в пространственном, временном...

Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. Социальное самочувствие жителей постсоветского моногорода (на примере г. Сокола) // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28390>. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.2.

Стелушь И.С., Симакова А.В. Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: Количественный и качественный аспекты // Региональная экономика: Теория и практика. 2018. Т. 16. № 10. С. 1872–1887. DOI: 10.24891/re.16.10.1872.

Тиллих П. Мужество быть // П. Тиллих. Избранное. М.: Юрист, 1995. С. 7–13. URL: <http://psylib.org.ua/books/tilip01/index.htm> (дата обращения: 16.04.2020).

Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.

Федоров П.В. Между Белым и Баренцевым: Путеводитель по культурному пространству новых кочевников эпохи урбанизации. СПб.: МБИ, 2018. 181 с.

Хлегов А.А. Предвестники викингов: Северная Европа в I–VIII вв. СПб. Евразия, 2002. 336 с.

Шарова Е.Н., Бурцева А.В. Современная демографическая ситуация на Кольском Севере: К вопросу о присутствии человека в Арктике // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1. С. 68–73. DOI: 10.24158/TIPOR.2020.1.9/.

Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «Восьмиоконная» модель // Социология: Методология, методы, математическое моделирование (4М). 2014. № 38. С. 38–71.

Bachelard G. L'air et les songes. Essai sur l'imagination du mouvement. P.: Le livre de Poche, 2007. P. 5–26.

D'Epinay L. Time space and socio-cultural identity: The ethos of proletariat small owners a peasantry in an aged population // Intern. social science journal. 1986. № 1 (38). P. 89–103.

Hohmann S., Burtseva A. Murmansk on the Move: Trajectories and Representations from the South Caucasus in a Polar City // Urban Sustainability in the Arctic. Visions, contexts, and challenges. Washington DC: GWU, 2017. P. 469–479.

Sayad A. La double absence: Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré. P.; Seuil: Liber, 1999. 438 p.

Zamyatina N., Goncharov R. Arctic urbanization: Resilience in a condition of permanent instability. The case of Russian Arctic cities // Resilience and Urban Disasters Surviving Cities. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. P. 136–154.

Источники

Викторова И. Малахов купил маски, жених Бузовой раздал гречку, Седокова перевела деньги старикам: Как звезды помогают людям на карантине // Комсомольская правда. 2020, 4 апр. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/27113/4191334/> (дата обращения: 16.04.2020).

Высоцкий В.В. Белое безмолвие, песня из кинофильма «72 градуса ниже нуля» // Владимир Высоцкий. Произведения. URL: <http://www.wysotsky.com/1049.htm?253> (дата обращения: 16.04.2020).

Молодцова Е. Статистика заражения коронавирусом в Мурманске на 15 апреля 2020 года: Больше 77 % заболевших — это рабочие со стройки в Белокаменке // Комсомольская правда. 2020, 15 апр. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/online/news/3837723/> (дата обращения: 16.04.2020).

Перечень важнейших показателей социально-экономического развития Мурманской области. URL: https://gov-murman.ru/region/ser_mo/ (дата обращения: 16.04.2020).

A.V. Burtseva^a, E.N. Sharova^a, S. Hohmann^b

^a Murmansk Arctic State University
Captain Egorov st., 15, Murmansk, 183038, Russian Federation
^b INALCO Centre de Recherche Europes-Eurasie
65 rue des Grands Moulins, Paris, 75013, France
E-mail: alexandraburtseva@yandex.ru;
kateshar1@yandex.ru;
so_hohmann@hotmail.com

Resilience of the Kola North cities in spatial, temporal and anthropological dimensions

This paper reports the results of field studies carried out in November 2018 in the towns of Murmansk Oblast and in February — March 2020 in the city of Murmansk. The research was aimed to evaluate resilience of the Kola North as the most extensively urbanized northern region and of Murmansk as the largest city above the Arctic Circle. The material for the paper is based on the poll data of 444 residents of Murmansk Oblast and interviews of 23 residents of Murmansk. A residence-stratified sampling model combined with sex and age quotas has been employed. On the basis of research on resilience in psychology and theory of time-space of Mikhail Bakhtin, the authors conduct analysis of the perception of the population towards the elements of urban chronotopos: time (chronos), space (topos), and human (anthropos), which either repel the population, thus weakening the resilience, or attract it, hence strengthening the resilience. The level of resilience of a region is firmly bound to the population attitude towards it, and apathy towards the city, let alone hatred, take a heavy toll on the resilience of the cities in the Arctic Zone of the Russian Federation, instilling conditions for weakening bonds between people and the dwelling and causing decay of the social climate. In this paper, we identify problematic urban areas inducing negative emotions of the population (climate, ecology, standard of living, state of the education and infrastruc-

ture, a lack of ideas and perspectives of development which are clear to the urban residents) and strong points enhancing the resilience (natural environment, social links, pace of living, frontier location, understanding of historical role and strategic importance). Models of mental behavior which have effect on the urban resilience have been identified. It is argued that temporary and shift workers have negative effect on the urban resilience, whereas positive influence comes from traditional and new nomads, innovators, proprietors and amateur researchers. Traditional nomads of the Kola North — fishermen and seamen — create the image and mission of the cities understandable to their residents. The model of a new nomad brings dynamics and hospitality to the region. The innovator creates new models of development of the territory, while the proprietor explores the North and looks after it. The model of special importance for the cities of the Kola North is that of exploration, characteristic of researchers and artists, since new values may become new ideas of the cities supporting their resilience.

Key words: **chronotope, topophilia, topophobia, topos, chronos and anthropos, region's social space, migration, settledness, resilience.**

REFERENCES

- Bachelard G. (2007). *L'air et les songes. Essai sur l'imagination du mouvement*. Paris: Le livre de Poche.
- Bakhtin M.M. (1975). *Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Notes towards a Historical Poetic*. Moscow: Khudozh. lit. (Rus.).
- D'Epinay L. (1986). Time space and socio-cultural identity: The ethos of proletariat small owners a peasantry in an aged population. *International social science journal*, 38(1), 89–103.
- Golovnev A.V. (2018). Arctic Nomads: The Art of Movement. *Etnografija*, (2), 6–45. (Rus.). DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-6-45.
- Govorova N.V. (2018). Human capital — a key factor of the Arctic economic development. *Arktika i Sever*, (31), 52–61. (Rus.). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.52.
- Hohmann S., Burtseva A. (2017). Murmansk on the Move: Trajectories and Representations from the South Caucasus in a Polar City. In: M. Laruelle, R. Ortung (Eds.). *Urban Sustainability in the Arctic. Visions, contexts, and challenges*. Washington DC: GWU, 469–479.
- Ivanova M.V., Kliukina E.S. (2017). Contemporary preconditions for the future of the arctic labor resources. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (6), 180–198. (Rus.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08.
- Khlevov A.A. (2002). *Harbinger of the Vikings: Northern Europe in the I–VIII centuries*. St. Petersburg: Evraziia. (Rus.).
- Korchak E.A. (2019). The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic. *Arktika i Sever*, (36), 5–23. (Rus.). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5.
- Mitrofanova E.N. (2018). «Two courage»: To the concept of resilience S. Muddy. *Vestnik PGGPU. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, (1), 17–26. (Rus.).
- Nedoseka E.V., Karbainov N.I. (2019). Social Well-Being of Residents of the Post-Soviet Monotown: (Case Study of the Town of Sokol). *Social area*, 22(5). (Rus.). DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.2.
- Sayad A. (1999). *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré*. Paris; Seuil: Liber.
- Sharova E., Burtseva A. (2020). The current demographic situation in the Kola North: Concerning human presence in the Arctic. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, (1), 68–73. (Rus.). Retrieved from: <https://doi.org/10.24158/tpor.2020.1.9>.
- Shteinberg I.Ia. (2014). A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An «8-Window Sample Model». *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. (4M)*, (38), 38–71. (Rus.).
- Stepus' I.S., Simakova A.V. (2018). Migration flows of higher-ed graduates to work in the Arctic Zone of Russia: Quantitative and qualitative aspects. *Regional'naia ekonomika: Teoriia i praktika*, 457(10), 1872–1887. (Rus.). Retrieved from: <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>.
- Tillich P. (1995). The courage to be. N.Y., 1952. In: P. Tillich. *Favourits*. Moscow: Iurist, 7–13. (Rus.). Retrieved from: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm>.
- Ushakov I.F. (1972). *Kola land*. Murmansk: Kn. izd-vo. (Rus.).
- Zamiatina N.Iu., Medvedkov A.A., Poliachenko A.E., Shamalo I.A. (2020). The resilience of Arctic cities: An analysis of approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. (In print). (Rus.).
- Zamyatina N., Goncharov R. (2018). Arctic urbanization: Resilience in a condition of permanent instability. The case of Russian Arctic cities. In: K. Borsekova, P. Nijkamp (Eds.). *Resilience and Urban Disasters Surviving Cities*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 136–153.

Бурцева А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5528-6489>

Шарова Е.Н., <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

Оман С., <https://orcid.org/0000-0001-6430-4191>



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020